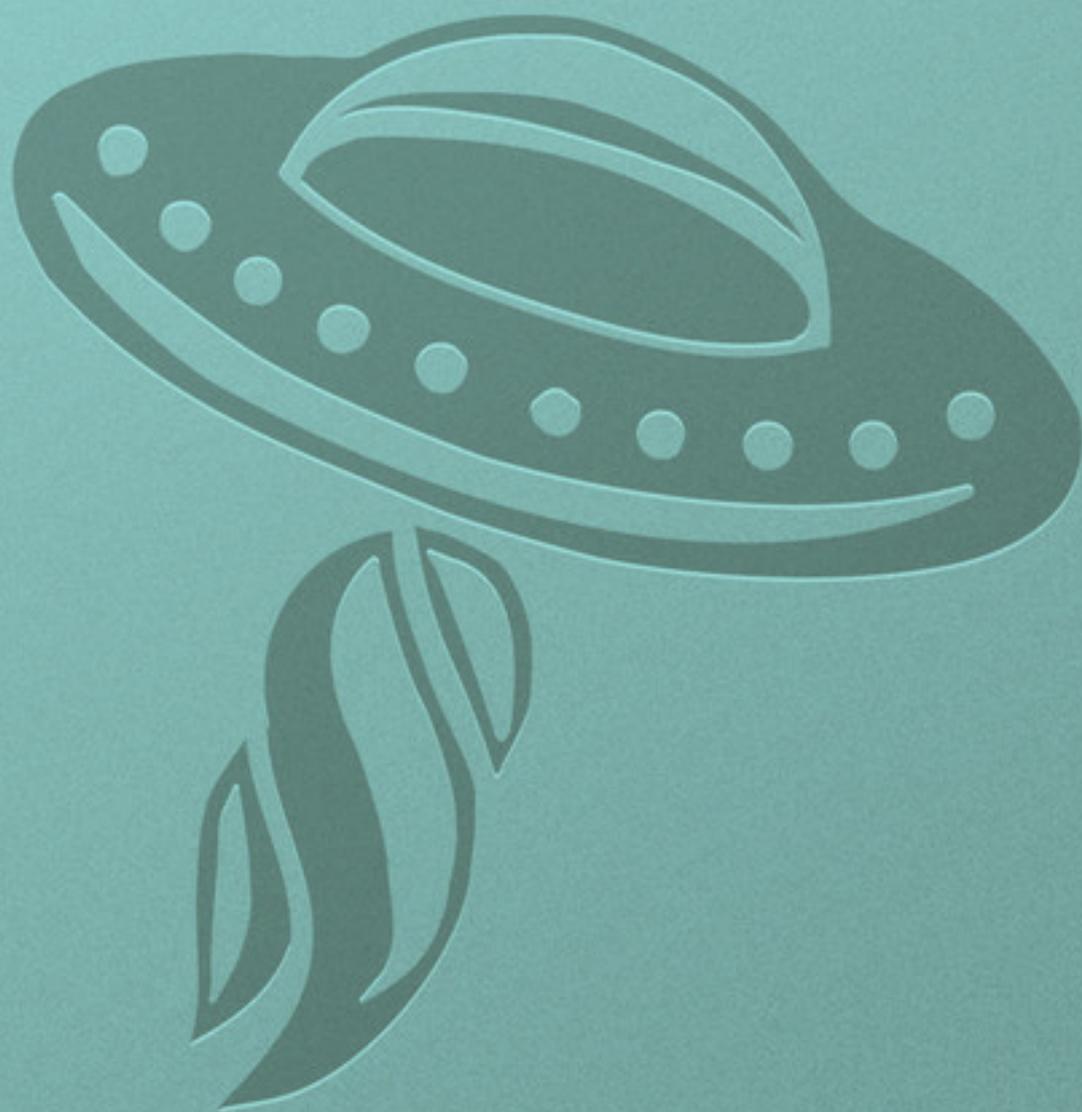

Ольга Рэйн

Мы здесь есть

*Часть сборника
Мир Стругацких. Рассвет и
Полдень (сборник)*

Ольга Рэйн
Мы здесь есть

«ЭКСМО»

2017

Рэйн О.

Мы здесь есть / О. Рэйн — «Эксмо», 2017

«Океан с высоты был голубым-голубым, сочным, как на детском рисунке – когда в стилке можно выбрать любой цвет, краска щедро льется на бумагу, и вот уже волны, и вот уже глубины, и вот уже глаз режет...»

© Рэйн О., 2017

© Эксмо, 2017

О'Рэйн

Мы здесь есть

Океан с высоты был голубым-голубым, сочным, как на детском рисунке – когда в стилке можно выбрать любой цвет, краска щедро льется на бумагу, и вот уже волны, и вот уже глубины, и вот уже глаз режет...

– Искупаться бы! – сказала Марта мечтательно. Она смотрела вниз, и глаза ее на темном лице были как этот океан – голубые, красивые, возможно опасные – кто знает, что там, в глубине, водится, как часто поднимается к поверхности и чем промышляет. Глеб с нею познакомился совсем недавно – любовь, как говорится, вспыхнула мгновенно, но он отдавал себе отчет, что девушка эта для него все еще – почти незнакомка, что знает он о ней лишь немножко личного (иногда шепчет во сне детским голоском), немножко бытового (кофе не любит, чай без сахара), немножко семейного (мать – архитектор, отец – Учитель на покое, живут в Камышине, сами варят пиво по старинным рецептам, без синтеза, а только с ферментацией, гадость несусветная и голова потом болит). И еще – что Марта будет зоопсихологом со специализацией по китообразным, что из воды может часами не вылезать, а дыхание держит минут по двадцать – сам Глеб больше пяти минут никогда не выдерживал, легкие-то можно разработать, если стимул есть, но скучно, да и зачем?

Была Марта прекрасной, желанной и загадочной террой инкогнитой, так же как и планета под ними (у белой звезды ЕН514, система Мирины, земного типа, гравитация 1.2, состав атмосферы сопоставимый, в сутках двадцать часов, океан слабосоленый, кислотность 7.5).

– Глеб, – не унималась Марта. – Гле-буш-ка. Ты мне обещал романтику на пляже. Пусть же она поскорее настанет! Хватит разведки с воздуха. Хочу из воды!

Глеб немного побурчал про кодекс облета новых планет, про протоколы ГСП, но ему и самому уже поднадоело скользить над одинаковыми лесами на одинаковых островах, похожими с высоты на зеленые мохнатые вязаные шапочки, разбросанные по гигантской голубой луже.

– Ладно, садимся, – прищурился он и был за это чмокнут в щеку.

Пахло прогретым камнем, речной водой, как на Волге, сладкими цветами и, почему-то, креозотом. Над островом возвышалась коническая скала с крутыми склонами, около километра высотой. Пляж был скальный – гладкий камень плитами наискосок уходил в воду, солнце просвечивало голубизну, где колыхались разноцветные леса водорослей – желтые, красные, зеленые.

– Красиво, – сказала Марта. – Но как-то ярко очень, чуть-чуть слишком. Будто бы ребенок эту планету раскрашивал и с оттенками не возился. Ой, посмотри-ка!

Из глубины поднялась стайка рыбок, тоже очень ярких, золотисто-фиолетовых. Марта опустила руку в воду, и они бесстрашно тыкались в ее ладонь, плавали вокруг, любопытствовали.

– Не бояться! – восхитилась Марта. – Интересно, а может ли быть сбалансированная экосистема, в которой животные не пожирают друг друга? Совсем? Мир без страха? Планета, где условный лев возлежит с условным ягненком, всегда, от начала времен?

– Вряд ли, – вздохнул Глеб. – Все же завязано на ресурс, на усилие, с которым добывается пища... эволюция имеет свои законы... Эй, кстати, они тебя еще не едят? А то отвлекут внимание, а потом – цап! Будем потом тебе полгода новые пальцы отращивать!

Марта засмеялась, отряхнула с длинных темно-шоколадных пальцев синие брызги, села рядом, подставила Глебу горячие губы. От нее пахло малиной. Потом они лежали, бездумно смотрели в небо, камень под ними был горячим.

– Почему небо голубое? – спросила Марта. – Мы в пятнадцати световых годах от Земли... А оно голубое! Я думала – на других планетах иное небо...

– Атмосфера почти такая же, – полусонно, расслабленно отозвался Глеб. – Мы дышать можем? Можем! Значит, и свет так же рассеивается. Рассеяние Релея, короткая длина волны у синего цвета, длинные волны сильнее рассеиваются... Кстати, если присмотреться, это небо куда сильнее фиолетовым отдает – потому что спектр у звезды другой. На Венере раньше было оранжевое – до дистилляции атмосферы. Теперь тоже синее. Ну да ты сама такие вещи помнить должна.

– Я – гуманитарий, – сказала Марта. – Ничего никому не должна. Стихи всегда помню с первого раза. Коэффициенты – нет. Стихами мне расскажи, тогда запомню.

– Я люблю тебя и небо, только небо и тебя, – неожиданно для себя самого сказал Глеб. – Я живу двойной любовью, жизнью я дышу, любя.

И тут же смутился, покраснел, а Марта счастливо и удивленно засмеялась.

– Неужели твои? – спросила она.

– Нет, – Глеб сел, натянул шорты. – Не мои, а поэта Брюсова. Хотя я, может, тоже в душе поэт. Чего смеешься? Поэта легко обидеть! Я вот про тебя сейчас возьму и сочиню, хоть и нелегкое у тебя имя для нашего поэтического ремесла. Вот, слушай.

Марта!

Красота золотого стандарта!

Я бы мог умереть от инфаркта (но не стану, пожалуй)!

Лейся, кварта! Бейся, Спарта!

Ах, Марта, марта (а также апреля, мая, июня), боюсь, не дождусь...

– Хватит с меня высокой поэзии, – сказала Марта, а когда Глеб стал бузить и вставлять в стих Буонапарта, закрыла ему рот поцелуем.

– Пойдем поплаваем, – предложила она. – Дому еще часа полтора дозреть.

Из механического эмбриона уже развернулся маленький – на двоих – домик, стены тянулись вверх, набирали толщину, молекулы выстраивались в кристаллические решетки. Еще немного – и можно будет упасть в кровать, сесть за стол или под душем постоять горячим. Впереди – две недели роскошных робинзонских каникул, любви, разговоров обо всем... Было у Глеба хорошее такое предчувствие, холодок в животе: Марта – настоящая, та самая, с нею всегда будет весело, всегда интересно, а значит – и быть надо всегда вместе, зачем же разлучаться и время терять? Вернутся на Землю – можно обсудить, как все обустроить побыстрее, где жить – в Питере или в Рио.

А сейчас, и правда, почему бы не поплавать? На расстоянии полутора миль в воде не регистрировались никакие животные крупнее леща, но Глеб на всякий случай пристегнул к бедру парализатор, а к плечу – длинный охотничий нож, год назад самолично заточенный на Пандоре. Ребята заманили рассказами о прелестях охоты на тахоргов. Вадим, профессор кафедры структурной лингвистики – он для добровольцев ГСП читал курс – даже коллекцию черепов показывал. Весело было – пока готовились, песни пели, охотничьи байки травили. А как сама охота началась – Глеб в полное недоумение пришел. Ему обещали, что кроманьонские инстинкты включатся, адреналин попрет, тело само будет знать, что ему делать, как двигаться, как стрелять, куда нож... А Глебу так стало плохо, так стыдно, когда тахорг заревел, сраженный тремя выстрелами, когда в траву покатился кубарем, когда кровь брызнула... Он на Пандоре с тех пор так и не бывал и с ребятами этими старался больше не общаться.

– Дикость! – говорил он сердито отцу и матери, те кивали, соглашались, предлагали ему статью про это написать. – Атавизм! Позор для цивилизации – забавы ради убивать высших животных! Не от этого ли наши предки так долго уходили? Где тут наши добро и гуманизм?

– За мною не пытайся угнаться, – сказала Марта, возвращая Глеба в настоящее. – Я тренированная, а ты... не такой тренированный. И не рисуйся – выныривай почаще. Иди сюда, линзы поставлю.

Глеб смотрел на нее и думал, что она очень под стать этой планете – ярко-коричневая кожа, ярко-голубые глаза, ярко-зеленый купальник. Парализатор она тоже взяла – рыбки рыбками, а если что-то большое с глубины поднимется быстро, то быть готовым не мешает. Марта легкими, точными касаниями закрыла его глаза двумя линзами из коробочки на поясе, и все тут же стало расплывчатым, нечетким, покуда они не нырнули – сразу под скалой было глубоко, вода оказалась прохладной и прозрачной, ласкала кожу.

Рыбки так и не уплывали, кружили вокруг, их становилось все больше – будто молва шла по океану о двух невиданных существах, на которых непременно стоило взглянуть, и вот фиолетовые, белые, красные рыбки с детским каким-то любопытством следовали за незнакомцами. Марта плыла мощно, красиво, угнаться за нею было нелегко. Она остановилась у водорослей, стала рассматривать листья, а Глебу пришлось подняться наверх за воздухом. Он уловил на пляже расплывчатое движение, дернулся, вытащил одну линзу, зажмурив другой глаз. В тени их растущего домика сидело небольшое животное, похожее на толстого мохнатого поросенка, и задумчиво чесало за ухом передней лапой. Через пару секунд потянулось и начало точить зубы об угол.

– Эй, – крикнул Глеб, – ну-ка! Кыш! Брысь! Прочь! Шу отсюда!

Зверь не подал и виду, что услышал Глеба, и поднялся на задние лапы, чтобы дотянуться зубами повыше. Глеб сунул голову в воду – Марта была все там же, у подводного леса – помахал ей: «поднимайся!» и поплыл к берегу – спасти дом и глупое инопланетное животное, которое сейчас нажрется земной биомеханики, а потом возьмет да и скончается в страшных судорогах.

Дом был спасен быстро – животное увидело, как Глеб бежит по скале, сердито разбрасывая брызги, и с некоторым сожалением, но без малейшего страха перестало грызть угол, повернулось и пошло к деревьям. Плюхнулось в тень и стало ждать, когда Глеб уйдет. Глеб засмеялся – вот же пройдоха! – и решил дожидаться Марту на берегу, сейчас вынырнет, удовлетворив первое любопытство, и можно будет поесть, пикник устроить, а там и дом готов будет. Повалиться, вздремнуть – а потом с оборудованием нырнуть, глубоко, на пару часов, погулять у корней разноцветного подводного леса. Линзу он пока не снимал, смотрел вокруг одним глазом, прищурившись. И тут зверь, которого Глеб уже решил назвать в честь Марты мартыном, вдруг поднялся, уставившись на голубую гладь воды, потом протрубил странную, беспокойную ноту – и раз, и другой, меняя модуляцию, будто сказал какое-то слово.

– Ты чего, мартынчик? – спросил Глеб, взглядывая на часы. Пятнадцать минут, как они нырнули, хорошо бы уже Марте и подняться, не тянуть до последнего, не терзать товарища беспокойством. Еще через две минуты Глеб решился (пусть сердится, пусть губы поджимает, пусть бурчит про самолюбивого самца-защитника!) и, в несколько огромных прыжков преодолев расстояние от дома до воды, оттолкнувшись от скалы всей мощью ног, рядом вошел в воду. Глаза тут же поменялись – левый видел расплывчато, а правый – четко. Но оба видели, что Марты не было. Совсем не было, нигде. Глеб поплыл туда, где ее оставил – у разноцветных подводных стеблей, осмотрелся лихорадочно, поднялся опять на поверхность, захлебываясь ужасом. Двадцать минут. Ей срочно нужно вдохнуть. Глеб сам задышал часто-часто, перенасыщая кровь кислородом, потом нырнул вертикально вниз – глубже, глубже, пока вода не стала давить на уши, нажал кнопку браслета на запястье – сквозь воду пошли звуковые волны, заунывные и тревожные. Рыбки бросились врассыпную блестящими разноцветными фейерверками – им явно не понравился звук. У Марты был такой же браслет, но тревогу она не нажимала. Выныривая, Глеб наглотался воды – она оказалась горькой – и

на берегу его тут же вырвало. Он стоял на коленях, содрогаясь в рвотных позывах и в ужасе. Мартыничик подошел поближе, что-то пропел нежно и грустно.

Глеб, не обращая на него внимания, судорожно рылся в настройках биоанализатора – надо проверить воду на кровь, даже несколько капель должны определиться в радиусе полумили. Как же так, как же так, а? Сидели, говорили, катались по гладкому камню, целовались и смеялись. И – прошло тридцать четыре минуты совершенно обыкновенных, обычных событий, гром с неба не грянул, мир не перевернулся, океан не вскипел, а Марты вдруг не было, и вся жизнь, которую Глеб для них любовно придумал и в мечтах уже начал проживать – она лопалась, горела, и Глеб стоял в огне и тоже горел заживо. Мартыничик потрусил за ним к воде, но держался чуть позади. Крови в океане не было. Ни капли.

Глеб достал акваланг из глайдера, настроил, приладил маску (тридцать восемь минут – еще можно откатать), нырнул в воду, как в свое отчаяние. Сорок минут. Пятьдесят. Еще полчаса. Дно. Темно. Течения нет. Крови нет. Марты нет. Корни у водорослей были, как земляные коряги, – огромные, с Глеба толщиной, узловатые и слабо пульсирующие. Он поплыл среди них, светя фонарем – видел он в темноте неплохо, но боялся хоть что-нибудь пропустить, хоть какую-нибудь подсказку. С песка на дне поднялась и величественно поплыла прочь плоская рыба вроде камбалы. По серой шкуре ее переливались ярко-зеленые пятна, как Мартин купальник. Между водорослями темнела арка затопленного рукотворного строения, лежали какие-то обломки, колонны. В любой иной момент Глеб бы забурлил от восторга, что, как в легендах ГСП, походя открыл цивилизацию, живую ли, мертвую ли, но сейчас ему было настолько не до того, что он даже внимания не обратил. Под одной из коряг что-то тускло блеснуло – Глеб бросился туда так, что лоб рассадил о вырост корня – это был парализатор Марты, он упал на дно и лежал на дне, как и положено металлическим предметам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.